

мастер детектива

АНТОН
ЧИЖ

АНТОН ЧИЖ

аромат
крови

Р О М А Н

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Ранее роман выходил под названием
«Жертва чистой красоты»

Чиж, Антон.

Ч-59 Аромат крови : роман / Антон Чиж. — Москва :
Эксмо, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-094980-9

«Аромат крови» — увлекательнейший роман серии детективных расследований сыщика Петербургской полиции Родиона Ванзарова и его друга-криминалиста Аполлона Лебедева. Эти двое неразлучны — как знаменитые Шерлок и Ватсон. Ванзаров молод и горяч, Лебедев — умудренный опытом циник, готовый всегда прийти на помощь своего юному коллеге в самых сложных и опасных ситуациях. ...Конкурс красоты — особенно в Петербурге конца XIX века — это не просто состязание среди самых неотразимых модниц, но жесткая борьба за власть и деньги. Трагически погибнув, отец семейства оставляет своим дочерям и супруге огромное состояние — промышленные предприятия, прославившиеся на всю Россию своими кремами, помадами, духами. Унаследовав несметное богатство, женщины начинают опасную игру, ставка в которой — вечная молодость и красота. Какую цену готов заплатить Ванзаров за то, чтобы прервать череду жестоких смертей?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Чиж А., 2018
ISBN 978-5-04-094980-9 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Не всех природа равно оделила, и красота к тому же — редкий дар. Если бы все люди или даже большинство были красивы, тогда бы не было преимущества красоты и жизнь стала бы скучна. Стоит лишь внимательно приглядеться к окружающей жизни, и мы увидим в ней такое же поклонение красоте всеми средствами, как и борьба из-за золота. Без красоты сегодня немислимы ни брак, ни любовь. Если любовь — жизнь, то уход за красотой — кровь, которая ее поддерживает.

Золотая книга женщины. Варшава, 1896

Влажные средства наносят на кожу при помощи мягкой кисточки, дают просохнуть и избыток стирают платком. Их опытные люди почти никогда не употребляют для лица, редко их употребляют и для рук. Это объясняется тем, что при искусственном освещении получается от этих средств окраска, напоминающая мертвенную бледность.

Д-р Пашкис. Косметика. СПб., 1896

Нет дела более важного в нашей империи, чем праздники. Даже печатание денег и награждение орденами чиновников отступают перед ним. Вопрос это серьезный, значительный, не терпящий самовольства и шуточек. Особо требует начальственной заботы и внимания. А все почему? А все потому, что сам народ российский праздновать не умеет.

Ну скажите, что за праздники придумывает этот народ? Стыд и дикость, не иначе. Ну устроят объедание блинами и кулачный мордобой на Масленицу, ну лезут, как отмороженные, в ледяные проруби в крещенские морозы, ну разговляются до потери чувств на Пасхальной седмице. Или того лучше: разгуливают по домам, горланя песни да выклянчивая конфеты, на рождест-

¹ По старому стилю. По новому стилю 30 октября.

венских Святках. А еще, чего доброго, станут прыгать через костер на Ивана Купалу или голяком в речке купаться. Где тут назидательный урок, где воспитательный эффект? Их нет. А есть безграничье разгула и даром потраченные выходные. Не говоря уже о несмыслимых пятнах позора пред цивилизованными странами да горах мусора на городских площадях.

Не так устроены государственные праздники. Все в них продуманно и отлажено, размеренно и степенно, чинно и благородно. Звон колоколов с парадными маршами. Начальство блистает в золоченых мундирах, дамы машут платочками, народ, как полагается, ликует, а не безмолвствует. Потому официальные торжества возбуждают в душах только почтение да благодарность, то есть лучшие чувства, какие способен выжать из себя гражданин в отношении власти. Не жалеет государство на празднование самое себя ни сил, ни средств. За что его подданные признательно благодарны. И особо за то, что верноподданные чувства им доводится выражать изредка.

Однако в конце октября 1895 года случился настоящий обвал государственных праздников. Их оказалось куда больше снега рано пришедшей в этот год зимы. Началось все сегодня, когда с молебнами, торжественными собраниями и речами в клубах народного просвещения отметили чудесное спасение императора Александра III с семьей и наследником в железнодорожной катастрофе в Царском Селе, когда состав рухнул под откос. Искренно радовались не только прямые виновники торжества — машинисты паровозов и путейцы, но и прочее население столицы.

Не успел отгреметь один, как на смену спешит другой. Уже 20-го не менее пышно и значительно будут отмечать годовщину кончины все того же императора Александра. Согласитесь, есть это в характере народа: только у нас умеют скорбеть не менее зажигательно, чем веселиться. Конечно, опять готовились молебны, собрания и речи просветительных собраний, хоть и печальные. Но пик торжеств выпадал на следующий день, 21 октября, когда все подданные, утерев слезы, намеревались радоваться годовщине восшествия на престол императора Николая и его супруги Александры. И хоть коронация назначена на весну будущего года, размах торжеств поражал воображение уже сейчас.

Столица, озябшая от колючего снега и ледяного сквозняка с Балтийского моря, внезапно приободрилась. Главные улицы и проспекты украсились, как невеста на выданье. Государственные флажки, флаги и даже трехцветные орифламмы¹ расцвели серо-зимние стены и балконы. В витринах магазинов особо сознательных купцов красовались портреты Молодой Державной Четы (как полагается — с заглавных букв!). Менее патриотичные выставили державные бюсты. Но особый прилив эмоций вызвала иллюминация. Электрические лампочки, еще не вполне привычные, будучи развешаны гроздьями, весело мигали желтыми огонечками в рано наступавшей тьме. А на самых видных местах Невского проспекта взметнулись световые вензеля. Буква А так нежно оплела ножкой Н, что каза-

¹ Полотнища, перетянутые через улицу на веревках.

лось, будто змея обвила несчастную жертву перед укусом. Впрочем, чего не бывает в семейной жизни.

Одним словом, такого размаха Петербург не видывал давно — лет, наверное, восемьдесят, с возвращения из Парижа армии, победившей Наполеона. Кто-то посчитал эту чрезмерность выражением любви народной к новому царю и надежд на его царствование. А кто-то — тайным вздохом облегчения, что юные монархи, взявшись за рычаги управления, не пустили махину Российского государства под откос сразу.

Но праздничной атмосферы хватило не всем. Вот, например, на углу Садовой улицы и Мучного переулкa рядом с афишной тумбой продолжительное время пребывает какой-то господин. Он как будто не обращает внимания на пронизывающий холод, хоть одет в обычное пальто, шляпу, только перчатки кожаные. Судя по всему, господин старательно ищет, где бы повеселиться. Он внимательно изучил афишу премьеры «Власти тьмы» графа Толстого в Малом театре и рядом — ту же премьеру в Александринском театре. Обе постановки были истинной сенсацией: цензура семь лет не разрешала ставить пьесу и вот позволила. Но история порочной крестьянки, убившей с любовником мужа и дитя, не тронула его. Как и премьеры комедии господина Мансфельда «Папашины дочери» в театре Немецки. На балеты Императорского Мариинского театра он даже не взглянул. Чуть сместившись, принялся изучать он зрелища попроще. Так, концертный зал «Alkazar» призывал его насладиться неаполитанскими напевами в исполнении трио «Граменья» или цыганским разгуляем хора Шишкова. Не менее горячие зрелища сулило

заведение «Помпеи». Кого могут оставить равнодушным русские комические куплетисты Богдановы, известный юморист Фистул-Александров и женщина-баритон Марусина? На закуску был обещан великий фокусник Орсини. Иди и наслаждайся. Но господин достаточно юных лет отчего-то не был расположен к веселью. Печально вздохнув, обратился он к афишке самой заметной и вызывающе дерзкой. Жирные буквы сообщали о зрелище уникальном, если не выдающемся, а именно: первом в новейшей истории конкурсе красавиц. Незаурядное событие должно было случиться в конце недели в помещении Дворянского собрания. То ли женская красота не волновала господина, то ли развлечения требовались немедленно, но и этот призыв не нашел отклика в его сердце. Оторвавшись на карманный хронометр, кое-как разобрал он в ранней тьме начало пятого часа и затем отошел к другой стороне тумбы.

Как раз в этот момент в некотором отдалении объявился прохожий. Лихо распахнутая шуба была отдана на волю ветра, а владелец ее выписывал зигзаги не хуже шлюпки в штормовых волнах. Праздничное настроение субъекта горело высочайшим градусом. О чем прохожий сообщал громкими воплями, в которых нежный слух узнал бы изувеченную «Аиду». Широкими жестами дарил он каждой встречной барышне дружбу, но те, подхватив юбки, с визгом разбегались. Мелкие неудачи не останавливали гуляку, он с упорством шел к своей цели. Как вдруг у него за спиной, словно из тьмы и ветра, выросли крепкие фигуры в одинаково новых пальто, подхватили гуляку под локотки, наградили лег-

ким тумаком и, не внимая гневному бульканью задержанного, поволокли к ближайшим воротам. Калитка с лязгом захлопнулась, а перед ней встала массивная фигура с метлой и бляхой дворника.

Господин у тумбы наблюдал за происшествием краем глаза, но не пытался вмешаться или вызвать полицию. Исчезновение, а вернее всего — похищение человека среди бела дня, хоть и темного, оставило его внешне равнодушным. Он уткнулся в новинки театрального и некоторым образом эстрадного искусства.

Не прошло и пяти минут, как таинственная калитка распахнулась. В проем кое-как втиснулась парочка городских, которые бережно поддерживали знакомого нам гуляку и нежно, как дитя, понесли внезапно ослабшее тело к ближайшей пролетке, где погрузили, закутали одеялом и приказали извозчику трогать.

Счастливое разрешение загадки не оторвало господина от афиш, которые читал он по третьему кругу. Так что пропустил явление из калитки новых фигур. Одна из них хоть и кутала нос в меховой отворот зимнего пальто, но, кажется, носила погоны и полицейскую пашку. Служивую выправку не спрячешь, сами понимаете. Зато другая, облаченная в изящное пальто тонкой шерсти, шелковое кашне и лакированные ботиночки для бального паркета, выглядела, как и полагается насквозь промерзшему штатскому человеку. А именно: сотрясалась мелкой дрожью.

— Это что же такое, господин пристав? — слегка клацнув зубами, возмутился господин, одетый не по погоде. — На пытку, что ли, меня вызвали? Уморить вздумали? Что я вам сделал? Это жестоко...

— Так ведь... Как бы сказать... Как полагается... Все в порядке... — словно оправдываясь, прогундосил оробевший пристав.

В ответ замерзший господин яростно чихнул и возопил:

— И это называется «в порядке»?

Даже этот шум не привлек внимания читателя афиш. А вот нам происходящее у калитки становится любопытным, пора уже выяснить, кто тут мерзнет, в самом деле.

Под теплым пальто и собачьим шарфом, вязанным заботливыми ручками жены, стыл не кто иной, как сам пристав 4-го участка Казанской части подполковник Вершинин-Гак. Известный среди подчиненных и купцов, счастливо кряхтящих под его властью, кличкой Желудь, Савелий Игнатьевич нынче оказался в редком положении, когда чихвостили его самого (а не наоборот). И за дело. Оплошал так оплошал. Но винить полагалось только себя. Вчера в голову Желудя забрела мысль, что обычно предрекало ужасные последствия. Пристав смекнул: а неплохо бы перед праздничком очистить улицы от всякого пьяного сброда, чтоб его участок блистал образцовым порядком и трезвостью. Как говорится, проходим хорошо и начальству приятно. Вторая мысль, пришедшая следом, была предвестником апокалипсиса, не иначе. Желудь так уверился в успехе, что зазвал на показательную облаву репортера из уважаемой газетенки «Петербургский листок». И как назло, прислали не какого-нибудь мальчишку, а знаменитость, самого Леонида Данонкина.

Виртуоз пера, известный статьями о модных новин-

ках вообще и мира искусства в частности, попал в неведомое ему полицейское царство, как мышь в сметану. Редактор обещал занимательные происшествия в теплой обстановке, требовалось всего лишь отразить героические будни полиции. Данонкин оделся как на приличное мероприятие, но оказался в ледяной подворотне в обществе грубого вида мужланов, сопящих и злобных, да еще в гражданской одежонке. Что объяснялось «маскировкой». Это понять было можно. Но то, что творилось в подворотне, требовало веских объяснений. За час непонятного действия репортер промерз до полного изнеможения и поклялся, что прощание со здоровьем кое-кому обойдется дорого.

— И это называется облава? — гневно прохрипел он, давясь кашлем.

Желудь виновато смахнул морозную соплю.

— Это фельетон натуральный, а не облава! — не унимался Данонкин. — Как это понимать: ловят подгулявшего хама с проститутками под ручку и тут же отпускают! Почему не в камеру?

— Так ведь купец с нашего участка, уважаемый отец семейства. Не с проститутками, а племянницами, они же объяснили-с... — оправдывался Желудь, стараясь не вспоминать криков: «Ты что, Игнатьевич, меня в кутку? За что я тебя кормлю? Вот каков ты, гнида!» И хот девич вдобавок.

— С чего это племянницы дядю «милый котик» называют? Вас не удивляет?.. Обычное дело?.. Ну-ну... А другой хулиган чем заслужил снисхождение?

Пристав только крикнул. Как втолковать залетной птице, что нельзя вот так запросто арестовать сына

уважаемого владельца банка, даже если тот немного разбил витрину. Банк-то тоже на участке. А подношения на праздники — самые щедрые.

— Допускаю, что проявили необъяснимую жалость. Но ведь последний негодяй оскорблял вас наглым образом, лыка не вяжет, а вы его велели домой отвезти! Хороша облава на хулиганов и уличных дебоширов!

Нет, не понять репортеришке, что чиновник Департамента полиции, даже подгулявший, приставу роднее общественного порядка. Эх, зачем только взвалил на шею эту обузу?

— Что мне в статье писать прикажете? Про какие подвиги?

— Наша служба и опасна и трудна, господин Данонкин. И пусть она на первый взгляд не очень заметна, мы всегда на посту... Вот об этом и пропишите... Только уж будьте добросердечны, не поминайте всяких шероховатостей... А ежели вам недостатки надо указать, так это пожалуйста, — заискивающе улыбнулся пристав.

— Неужели у вас есть недостатки? — Данонкин вложил в этот вопрос весь промерзший сарказм, но пристав не заметил.

— Вот они! — Палец Желудя, обтянутый перчаткой, указал в спину господина, изучавшего афишу. — Наглядный пример, каким не должен быть чиновник полиции. Сами видите: ленив, равнодушен к службе, не принимает участия в облаве. От себя добавлю: негодный полицейский. Самые посредственные способности. Подозреваю, что способен на служебный проступок и даже мздоимство. В тот час, когда весь штат, как один, заступил на служение закону и порядку... Одним